

«КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Николай Александрович Щипков

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва, Россия
nik75e@gmail.com

Аннотация. В современной философской, культурологической и политологической мысли все более заметным становится феномен политизации гуманитарной научной мысли. «Партийность» ученых и философов — не новое явление в истории науки. Однако сегодня подобное разделение на отдельные группы и «лагеря» приобретает не только мировоззренческий, но и ярко выраженный политический характер. Пример западноевропейской, англоговорящей гуманитарной академической среды является в этом отношении особенно показательным. Сегодня можно говорить о вступающем в активную стадию конфликте между всё более радикализирующимися условно «левыми» и «правыми» дискурсами внутри англоязычного академического сообщества. Для понимания природы этого противостояния необходимо рассмотреть эти дискурсы как отдельные явления, а также понять их исторические корни. Наиболее ярко политический дискурс новых левых раскрывается в программе так называемых «культурных исследований», появившихся в среде послевоенных английских марксистских интеллектуалов, и переместившийся позднее в США. В рамках этой программы сложился и полностью созрел особенный взгляд на культуру, совмещающий в себе марксистский и социологический взгляд на проблему культуры, но не сводящийся к каждому из них в отдельности. Культура в подобной парадигме понимается как следствие социальных действий людей, но одновременно и как определенная система, закрепляющая способы реализации этих отношений. Этот подход отличается как от классического марксизма, выделяющего в первую очередь экономические отношения между людьми, так и от структурного функционализма, в котором понятия общество и культура являются практически синонимами. Можно утверждать, что дискурс «новых левых» и программа «культурных исследований» — это разные проявления единого методологического подхода или мировоззрения. В западной академической среде подобное мировоззрение сегодня является доминирующим. В настоящей статье рассматриваются история и основные методологические установки «культурных исследований» этого типа, а также современная критика этого подхода.

Ключевые слова: культурология, культурные исследования, новые левые, неомарксизм, Бурдье, франкфуртская школа, неофункционализм

Для цитирования: Щипков Н.А. «Культурные исследования» как политическая практика // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 1. — С. 20–29. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-20-29>

Review article

CULTURAL STUDIES AS A POLITICAL PRACTICE

Nikolay A. Shchipkov

Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Moscow, Russia
nik75e@gmail.com

Abstract. The phenomenon of politicization of humanitarian scientific thought is becoming increasingly noticeable in the modern philosophical, cultural and political science. Scientists and philosophers belonging to political parties are nothing new in the history of science. Today, however, this kind of division into separate groups reveals not only ideological, but also a pronounced political character. The example of the Western European, English-speaking humanitarian academic community appears to be particularly indicative in this regard. Apparently, the conflict between the increasingly radicalized left and right discourses within the English-speaking academic community is entering an active phase. To understand the nature of this confrontation, it is necessary both to consider these discourses as separate phenomena, and to delve into their historical roots. The political discourse of the New Left is most clearly revealed in the program of the so-called cultural studies that appeared among post-war English Marxist intellectuals and later took root in the USA. The term was popularized by Herbert Richard Hoggart a British academic who specialized in sociology, English literature, and British popular culture. In 1964 he founded the Center for Contemporary Cultural Studies in Birmingham (CCCS). The history of CCCS is strongly associated with the name of Stuart Henry Hall, who was Hoggart's assistant and headed the Center since 1971. The connection between political action and cultural studies permeates the entire history of this field of knowledge. The very formation of the discipline and its institutionalization in the UK were influenced by such political and cultural events as the post-war Americanization of English popular culture, the spread of telecommunications, the new era of multiculturalism in Britain, and new critical theories. At the same time, many post-war European countries, such as Germany and France, showed interest in research, which ultimately shaped the apparatus of cultural studies. Within the framework of this program, we can see an increasingly nature perspective on culture that combines the Marxist view on the problem of culture and the sociological one but is not reduced to either of them. In this kind of paradigm, culture is understood as a consequence of people's social actions, and at the same time, as a certain system that fixes the ways of implementing these relations. This approach differs from both classical Marxism focused on economic relations between people and from structural functionalism, in which the concepts of society and culture are almost synonymous. The author states that the discourse of the New Left and the program of cultural studies are different manifestations of a single methodological approach or worldview. At present, this is the dominant worldview in the Western academic community. The article examines the history and main methodological guidelines of this type of cultural studies, as well as today's criticism of this approach.

Keywords: cultural studies, cultural studies history, neo-Marxism, Richard Hoggart, Bourdieu, Stuart Hall, E. P. Thompson, Frankfurt school

For citation: Shchipkov, N. A. (2022) 'Cultural Studies as a Political Practice', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(1), pp. 20–29. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-20-29>

Сегодня в англоговорящем мире доминирующей исследовательской парадигмой в культурологии является т.н. «cultural studies» (далее — «культурные исследования»). Остальные формы изучения культуры невозможно рассматривать вне контекста «культурных исследований», т.к. именно они являются сегодня наиболее распространёнными, по крайней мере в количественном отношении.

Современные культурные исследования — наследники, во-первых, хорошо известной Бирмингемской школы культурных исследований, основанной Ричардом Хоггартом в 1964 г., одним из пионеров исследований массовой культуры [Hoggart, 2009]; во-вторых, ими активно используется методология П. Бурдьё, которая связывает понятие культуры не столько с *общественным*, сколько с *политическим*, то есть с реализацией в обществе властных (power) практик. Одним из ключевых тезисов здесь выступает принципиальный отказ считать личность независимым актором, действующим в поле культуры. П. Бурдьё, в частности, пишет: «индивидуальный опыт не существует и всегда является результатом определённого социально-политического контекста» [Бурдьё, 2007: 57]. По сути, это радикальный вариант социологической методологии, которая имеет мало общего с программой Хоггарта и его коллег из Кембриджского университета, а также их единомышленников из других британских университетов (Стюарта Холла [Hall, 2000], Реймонда Уильямса [Williams, 1961], Эдварда Палмера Томпсона [Thompson, 1963] и др.). Каким же образом в современных «культурных исследованиях» сходились и расходились пути названных подходов, составляющих основу этого направления?

После периода яркой и бурной активности в 1960-ых – 1970-ых гг. британских «новых левых», популярность марксистских идей в Великобритании начинает спадать и, наоборот, расти в Соединённых Штатах. Однако здесь важно провести разграничение: если английские «новые левые» в

большей степени наследовали программы Франкфуртской школы¹ и французского структурализма и пытались критиковать современную массовую культуру как инструмент капиталистического управления трудящимися массами, то заимствовавшие у них название дисциплины американцы стали концентрироваться не только на понимании, но и на управлении современной культурой.

История движения «новых левых» в Великобритании неразрывно связана с появлением новых научных журналов левого направления и вообще переносом обсуждения политической повестки из отдельных кружков в официальное академическое пространство. В рамках академической деятельности британских «новых левых» появился ряд новых журналов, в частности, журнал *Reasoner*, созданный историками Эдвардом Палмером Томпсоном и Джоном Савиллом в июле 1956 г. Позже журнал был переименован в *The New Reasoner*; с 1957 по 1959 гг. было выпущено десять выпусков. Ведущее издание движения — журнал *New Left Review* — был создан в январе 1960 г., в результате объединения *New Reasoner* и *Universities and Left Review*. Первым главным редактором объединённого издания стал Стюарт Холл. В 1962 г. Холла в качестве редактора сменил Перри Андерсон.

Основная идея, положенная в основу обновлённой программы «культурных исследований» — перенос внимания со структур на индивида, на смысловые горизонты его поведения, на практику; по выражению Холла, «поворот от структурализма к культурализму» [Hall, 2000: 40–44; Куренной, 2012: 53]. Подобный поворот к «индивидуальной перспективе» радикально отличает «культурные исследования» этого периода от мейнстрима американской социологии, работавшей в духе структурного функционализма Т. Парсонса. А именно, в «культурных исследованиях» речь идёт уже не только о структурах, а о человеческом существовании, о повседневных практиках

¹ Давыдов Ю.Н. Франкфуртская школа // Новая философская энциклопедия. — М.: «Мысль», 2010, т.4 — с. 272–273.

и влиянии на них культурных артефактов. Именно эти практики Бурдьё немного позднее назовет «габитусом». Так, в рамках подхода «культурных исследований» к изучению такого феномена, как музыкальный плеер, видно соединение привычного научного аппарата социологии (форма потребления конституирует новую идентичность) с анализом принципиально новых артефактов, новых культурных практик, новых культурных символов и кодов [Doing Cultural Studies..., 1997].

Вместе с тем, неверно было бы утверждать, что в методологии «культурных исследований» культура приобретает объектный характер. Их отличительной особенностью является не культура как особый предмет исследований, а практическая цель — экспликация, выявление в повседневной культурной и социальной жизни индивида *политического* и политической перспективы.

Современные «культурные исследования» наследуют британскую исследовательскую программу в методологии и общих установках, однако представляют собой гораздо более широкий спектр исследовательских интересов. Сегодня то, что мы называем «социологизирующим» подходом доминирует в предметном поле англоязычных гуманитарных наук. Общая предметность методологии гуманитарных наук в такой ситуации сохраняется не столько благодаря общему подходу, сколько благодаря общим исследовательским установкам, ставящим во главу угла анализ политических и властных практик, работающих в культуре. Рассмотрение понятия «культура» как такового в большинстве случаев при таком положении дел отходит на второй план — в том числе потому, что предметом изучения становится не культура (как явление), а действующие в ней скрытые механизмы.

Такое объяснение давно стало стандартным даже в смежных исследовательских полях. Вот, например, выдержки из университетского учебника по социологии. «Общество — аппаратное обеспечение, культура — программное» [Ballantine, Roberts, 2012: 54], иными словами: общество понимается как жёстко заданная

структура (в классическом структурно-функционалистском духе), а культура — как модусы бытования смыслов и конкретных практик внутри этой структуры. В определённом смысле можно утверждать, что перед нами синтез структуралистского и феноменологического подходов.

«Культура — это идеи и «вещи», которые передаются от одного поколения к другому в обществе, включая знания, верования, ценности, правила и законы, язык, обычаи, символы и материальные продукты» [Ballantine, Roberts, 2012: 54]. Культура в таком определении если не сводится, то подчинена социальной структуре — во всяком случае, она работает не на индивидуальном, а на групповом уровне. Сюда укладывается и такое определение: «Культура предоставляет рамки правил для действий и взаимодействий индивидов и групп внутри обществ» [Ballantine, Roberts, 2012: 61]. Здесь культура — это рамки, «фреймы» (в духе социологии повседневности А. Шюца и И. Гоффмана), которые обрамляют социальные интеракции, но не являются их сутью. Не «что», а «с помощью чего».

«Никто не смог бы выжить без культуры, потому что без культуры не было бы установок и правил поведения. Общества представляли бы из себя хаотические массы индивидов» [Ballantine, Roberts, 2012: 61]. Иными словами, культура — это то, что на практике позволяет проявиться подразумеваемым социальным структурам. И самое важное: «Создание культуры — продолжающийся и совокупный процесс, потому что индивиды и общества продолжают надстраиваться над существующей культурой, чтобы адаптироваться к новым сложностям и возможностям» [Ballantine, Roberts, 2012: 61]. Культура (и её составляющие, например, ценности) здесь понимается не как цельное и законченное формирование, но как продолжающийся, фактически эволюционный, процесс (что справедливо, только если соглашаться с утверждением, что культура суть результат социальных интеракций, а не наоборот).

Такой, по сути, номиналистический анти-универсалистский подход, на наш взгляд, и составляет методологическую

сущность современного социологизма². Если не брать в расчёт такие выбивающиеся из общего ряда фигуры как Л. Уайт или Дж. Александер [Поляков, 2013], то, беря за основание вышеописанный подход, можно поделить весь современный социологизм в англоязычном академическом сообществе в отношении единой науки о культуре на два лагеря — радикально левый, представленный «культурными исследованиями», и «научно-нейтральный», выражающийся в классическом структурном функционализме (многие представители которого зачастую придерживаются правых взглядов). Находясь, по сути, на одних и тех же (или во всяком случае очень близких) методологических позициях, эти два лагеря, тем не менее, сегодня находятся в практически непримиримом противостоянии. Первые пытаются разрушить традиционную институциональную структуру социологии (в которой «культурным аспектам» общества — ценностям, нормам и т.п. — отведена вторичная роль в качестве поддерживающих стабильную общественную структуру элементов), вторые — стараются её сохранить. Тем самым, представители «культурных исследований» левого толка видят в классической структуралистской социологии если не врага, то во всяком случае сдерживающий консервативный элемент внутри академии, который не позволяет распространиться левой повестке за рамки традиционного институционального деления научных дисциплин (которые сами по себе огра-

ничивают возможное предметное поле исследователя).

Такое разделение и противостояние,ходящее иногда до эмоционального обмена репликами, хорошо видно на примере статьи крупного гарвардского социолога Орландо Паттерсона «Пытаясь разобраться в культуре» 2014 г. Он пишет: «Чрезмерная чувствительность к политике идентичности и [её] претензиям — ещё одна причина одного из главных провалов современных исследований культуры, означенных выше: бегство подавляющего большинства от причинности и сравнительных обобщений из-за страха быть названными расистами или эссенциалистами» [Patterson, 2014: 2]. Речь идёт о том, что в руках представителей «культурных исследований» [Sahlins, 2002: 20]³ современная американская социология постепенно перестает быть «нейтральной» наукой, основанной на принципах объективности. Фактически это аккуратная «критика справа» — предостережение от «несостоятельного выплескивания с водой парсонсианского прошлого, таких основополагающих концептов как ценности и нормы» [Patterson, 2014: 2]. О. Паттерсон подчёркивает, что подобный социологизм страдает ограниченностью и догматичностью — и что вместо новой междисциплинарности, напротив, окончательно размывает предметные рамки науки, игнорируя достижения смежных дисциплин: «та ограниченность, о которой я говорю — это шокирующее игнорирование работ, посвящённых культуре в других

² Если понимать «социологизм» в милбановском смысле как новую метафизику [Милбанк, 2013: 210–284].

³ В статье они не названы, есть только полусушительный намек в эпиграфе, взятый из сатиры на лево-ориентированную науку Маршалла Салинса «В ожидании Фуко, всё ещё»:

*«Power, power everywhere,
And how the signs do shrink.
Power, power everywhere,
And nothing else to think»*

*«Власть, власть повсюду,
И как все-таки сжимаются знаки.
Власть, власть повсюду
И больше думать-то не о чем»*

В самой книге говорится: «понятие «власти» — это интеллектуальная черная дыра, в которую засасывает все возможные виды культурного содержания, того, что прежде было «общественной солидарностью» или «материальным преимуществом» [Sahlins, 2002: 20].

дисциплинах, таких как антропология (с заметным исключением Клиффорда Гирца), психологической и кросс-культурной антропологии и даже социальной психологии» [Patterson, 2014: 3].

Что же лежит в основании культурного анализа, который предлагает в своей статье О. Паттерсон? Ценностно-рациональное поведение индивидов, трактуемое в прагматистском ключе: индивид находится в сложной системе соотношения собственно норм и ценностей и «активации знания» (knowledge activation), того, как он думает и как в итоге поступает. Вместе они образуют культуру, понимаемую как динамический обмен ценностями внутри общества. Культура в определении О. Паттерсона — «динамически стабильный процесс коллективно создаваемого, воспроизводимого и неравномерно разделяемого знания о мире, который одновременно информативен и значим» [Patterson, 2014: 1]. Общество в таком представлении — структура, которая держится на ценностях как три слона на черепахе и, по сути, конституируется ими. При этом важно отметить, что культура (и ценности) здесь — инструмент и двигатель, а не причина социальных изменений.

В заключение О. Паттерсон утверждает, что таким образом он сохраняет и поддерживает традиционную междисциплинарность социологических исследований, для которой важно использование методов культурной антропологии, психологии и языкознания: «в этом обзоре я попытался осмыслить культуру с помощью комплексного и междисциплинарного подхода, который избегает традиционных ортодоксий, односторонних повесток и интеллектуально парализующих пост-всяких прихотей последних десятилетий, которые терзали эту тему» [Patterson, 2014: 22].

Статья Паттерсона — ответ на «критику слева», которой сегодня постоянно подвергается неофункционалистская социология в рамках американского социологического дискурса. Представителем такой «критики слева» можно считать английского социолога Леса Бэка, который делит все социологические методы на «живые» и «мёртвые» [Bask, 2012]. По его словам, «вызывать к

жизни идею о том, что теория [сама по себе] даёт нам особое качество — ошибку» [Bask, 2012: 19]. Классическая социология устарела, потому что она плохо адаптируется к быстро меняющемуся миру: «Проблема не только в самом методе, но и в том, что наша интеллектуальная архитектура не адекватна по отношению к размаху и масштабу глобальных социальных процессов. Тем не менее, я заявляю, что перед лицом этих трудных задач есть те аспекты социологической практики, которые *мы должны похоронить, чтобы объять новые возможности*» [Bask, 2012: 20].

Среди «мёртвых» практик и методов (которые он называет «ископаемыми фактами и безжизненными концепциями») Бэк выделяет четыре основных «синдрома» (syndromes). Первый — «превращение живых вещей в мёртвые объекты». Социальные объекты, которые рассматривает социолог, существуют не сами по себе как «ограниченные поверхности» (complete surfaces), они существуют внутри пучка социальных связей, которые «наполняют их жизнью» (vitalize). Не сам рассматриваемый объект имеет присущий ему смысл, а контекст, в который он помещён, формирует его смысл. Когда исследователь пытается вынуть объект из того социального контекста, в котором он существует, последний превращается в «ископаемый факт», а значит теряется и тот смысл, ради которого его исследовали в первую очередь.

Второй синдром — увлечение «зомби-концептами». Зомби-концепты — это «остаточные» теории и концепции, созданные до тех изменений, которые претерпело общество после информационной и технической революции конца XX в. Последовавший за ними период Л. Бэк вслед за своими коллегами [Beck, Sznaider, 2006] назвал «второй современностью» [Bask, 2012: 21]. Классическая социология (дюркгеймо-парсонская), утверждает Бэк, подразумевала существование общества как априорного концепта, сущность которого можно выявить через внимательное изучение эмпирической реальности. Социолог XXI в. сталкивается с иной реальностью — «глобальной подвижности, мобильности

и неопределенности» [Bask, 2012: 22]. В такой ситуации нового общества старые концепции теряют свою важность. Социология, таким образом, предстаёт не как изучение общества, а как изучение *общественных феноменов*.

Третий синдром — отказ классических социологов от признания последствий влияния цифровизации на социальную жизнь, которую Бэк называет «технофобией». «Мобильные телефоны, — пишет Бэк — не только меняют отношения между приватным и публичным, но и сам опыт восприятия пространства и времени» [Bask, 2012: 22].

Четвёртый синдром — «ограниченность размаха воображения мертвой социологии в географическом смысле и по отношению к прошлому» [Bask, 2012: 22]. С одной стороны, «мёртвая социология» предстаёт как ограниченный географическими рамками европоцентричный взгляд, которые не учитывает и «не ценит транснациональный масштаб современных глобализованных форм социальной жизни» [Bask, 2012: 23]. Используя выражение английского социолога Гурминдеры Бхамбры [Bhambra, 2007], Л. Бэк называет подобный взгляд «ложным универсализмом» [Bask, 2012: 23]. Ограниченность подобного подхода, по мнению Л. Бэка, выражается в отказе признать наличие в истории социологии имперских и расистских тенденций: ссылаясь на исследование профессора социологии Мичиганского университета Джорджа Стейнмеца [Steinmetz, 2009], Бек утверждает, что социологи прошлого столетия зачастую оправдывали европейский колониализм и империализм, а в некоторых случаях даже поддерживали нацизм [Bask, 2012: 23]. Современная социология в своей «мёртвой» части, таким образом, предстаёт в образе «объективирующей, усыпляющей, оторванной от реальности и ограниченной» науки [Bask, 2012: 23].

Как видим, в современном социологическом мейнстриме и методологическом дискурсе противостоят как минимум две точки зрения, которые в основном расходятся в политических убеждениях, которые в свою очередь тянут за собой некоторые методологические

установки, — левую, либеральную, и правую, консервативную. Представители современных «культурных исследований» и более классической функционалистской социологии происходят из одного и того же источника — убеждения в решающей роли социологизма как основания междисциплинарного диалога внутри гуманитарной науки. Разница прослеживается в степени чёткости и строгости методологических рамок. Одни стоят на позициях защиты стройности классического структурного функционализма (и неопозитивизма), подчёркивая тем самым свою научную нейтральность и объективность; другие жертвуют этой кажущейся им ложной нейтральностью в пользу максимального расширения методологических подходов ради приближения к реальности политического действия.

При всём сходстве философских оснований подходов О. Паттерсона и Л. Бэка (заметим: ни тот, ни другой не стоят на позициях культурного эссенциализма), противостояние тех научных традиций, которые они выражают, в западной науке сегодня только обостряется. И на наш взгляд этот конфликт носит не столько узко-методологический характер, сколько политический. В этом смысле вопрос о культуре, как и вопрос об обществе, — это одновременно и вопрос о том, на каких ценностных основаниях следует *выстраивать* культуру и общество в каждом конкретном случае. Ну а вопрос о ценностях в современной культурной ситуации неразрывно связан с политикой.

Преимущество «культурных исследований» перед иными научными программами выражается ещё и в том, что объединяющим фактором «культурных исследований» левого толка изначально являлась единая политическая идеология. Конструирование дисциплинарности нового типа тем самым предполагает: если социология как наука со своей строгой дисциплинарностью сегодня является препятствием на пути реализации новой программы, то в таком случае эта строгая дисциплинарность должна быть разрушена. По словам американского культуролога Бэна Каррингтона (Ben Carrington), «у со-

циологии не должно быть монополии на социологическое»⁴. Это и является, на наш взгляд, главной характеристикой методологических установок «культурных исследований» в их политизированном прочтении — любой «социологообразный» метод годится, если исследователь ставит перед собой «правильные» идеологические цели.

При таком подходе отрицается не само наличие системности как таковое, но целесообразность наличия какой-либо системы как основы понимания социальных процессов. Существует не «социум», но «социальное» и именно оно становится предметом рассмотрения исследователя. Точкой отсчёта конструирования «социального» может стать всё: миф (Р. Барт), текст (Ж. Деррида), власть (М. Фуко), идеология (А. Грамши, Л. Альтюссер), габитус (П. Бурдьё) и так далее. В конечном счёте, все эти термины указывают на важность понимания индивидуального опыта и среды бытования индивида для понимания сущности социального. Если в классическом социологическом структурализме индивидом помимо его воли управляли функциональные системы, то в подобной постструктуралистской парадигме индивидом помимо его воли управляют его жизненные повседневные практики, которые подкреплены той или иной навязываемой извне информацией и погружены в те или иные технологические среды. Культура здесь рассматривается исключительно как инструментальное понятие; такому подходу чужд любого рода эссенциализм.

Очевидно, что «культурные исследования» сегодня уже не являются узким научным феноменом, который противостоит (а тем более находится в тени) магистральной науки. Это — огромный политический проект англоязычного гуманитарного академического сообщества. По словам Криса Баркера «культурные исследования — это теория, произведённая мыслителями, которые рассматривают производство теоретического знания как политическую

практику» [Barker, 2008: 4]. Сегодня «культурные исследования» — это широкий исследовательский подход к изучению т.н. «культурных практик», понимаемых в социологическом ключе, который стремится к созданию в своих рамках многочисленных новых субдисциплин (напр. «исследования травмы», «расовые исследования», «гендерные исследования» и т.п.). Культура в подобного рода исследованиях понимается не как предмет исследования, но как особый вид социально-политических взаимодействий между людьми. Единственное, что в действительности объединяет все эти субдисциплины, возникшие в рамках политизированных «культурных исследований» левого толка — убеждённость в необходимости использования науки как инструмента политического влияния или, вернее, политической идеологии. Тем не менее, необходимо отметить, что в рамках настоящего текста мы рассматриваем лишь часть огромного массива работ, написанных в рамках «культурных исследований», исключая из рассмотрения менее политизированный круг авторов.

Магистерские и бакалаврские программы, на которых преподаются и изучаются названные дисциплины, существуют практически в каждом крупном англоговорящем университете. Как следует из предпринятого исследования, декларируемая здесь междисциплинарность на деле является созданием новой (или во всяком случае параллельной) гуманитарной дисциплинарности. Об их распространённости также говорит большое количество национальных ассоциаций «культурных исследований», работающих в рамках описанной в данной статье парадигмы, — таких как, например, американской ACS (Association for cultural studies). Проникновение политической идеологии в ранее «узко»-научный дискурс требует дальнейшего изучения и осмысления. В том числе, в рамках философско-культурологического анализа современных культурных практик.

⁴ Carrington B. Cultural Studies Matters. Paper presented at the *Undisciplining: Conversations from the Edges*, The Sociological Review Foundation conference, The Baltic, Gateshead, 2018. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=iVGd_82KKNA

Список литературы:

- Бурдьё П. Социология социального пространства. — Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. — 288 с.
- Куренной В.А. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. — 2012. — № 1. — С. 14-79.
- Милбанк Дж. Надзор за возвышенным: критика социологии религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2013. — Т. 31, № 3. — С. 210-284.
- Поляков Л. В. Социология и культура: порядок слов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2013. — №4 — С. 46-48.
- Back L. Live Sociology: Social Research and its Futures // *The Sociological Review*. — 2012. — Vol. 60, № 1_suppl. — Pp. 18–39. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2012.02115.x>
- Ballantine J., Roberts K. *Our social world: Introduction to Sociology*. — Thousands Oaks: Pine Forge Press; 2012. — xxxiv, 593 p.
- Barker C. *Cultural Studies: Theory and Practice*. — London: Sage, 2008. — xxiv, 525 p.
- Beck U., Sznaider N. Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda // *The British Journal of Sociology*. — 2006. — Vol. 57, № 1. — Pp. 1-23. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2006.00091.x>
- Bhabra, G. *Rethinking Modernity: Postcolonialism and the Sociological Imagination*. — New York: Palgrave, 2007. — viii, 200 p.
- Hall S. *Culture Studies: Ein politisches Theorieprojekt*. — Hamburg: Argument, 2000. — 158 s.
- Hoggart R. *The Uses of Literacy: Aspects of Working-Class Life*. — London, Penguin Modern Classics, 2009. — 400 p.
- Doing Cultural Studies: The Story of the Sony Walkman / P. Du Gay, S. Hall, L. Janes, [et al.]. — London: Sage, 1997. — 151 p.
- Patterson O. Making sense of culture // *Annual Review of Sociology*. — 2014. — Vol. 40, № 1. — Pp. 1-30. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071913-043123>
- Williams R. *The Long Revolution*. — New York: Columbia University Press, 1961. — 370 p. <https://doi.org/10.7312/will93760>.
- Sahlins M.D. *Waiting for Foucault, still*. — Chicago: Prickly Paradigm Press, 2002. — 84 p.
- Steinmetz G. The Imperial Entanglements of Sociology in the United States, Britain, and France Since the Nineteenth Century // *Ab Imperio*. — 2009. — Vol. 2009, № 4. — P. 23–79. <https://doi.org/10.1353/imp.2009.0079>
- Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. — London: Victor Gollancz 1963. — 848 p.

References:

- Back, L. (2012) 'Live Sociology: Social Research and its Futures', *The Sociological Review*, 60(1_suppl), pp. 18–39. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2012.02115.x>
- Ballantine, J. H. and Roberts, K. A. (2012) *Our social world: introduction to sociology*. Thousands Oaks, Calif.: Pine Forge Press.
- Barker, C. (2008) *Cultural Studies: Theory and Practice*. London: Sage Publications.
- Beck, U. and Sznaider, N. (2006) 'Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda', *The British Journal of Sociology*, 57(1), pp. 1–23. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2006.00091.x>
- Bhabra, G. (2007) *Rethinking Modernity: Postcolonialism and the Sociological Imagination*. New York: Palgrave.
- Bourdieu, P. (2007) *Sociologija social'nogo prostanstva [Sociologie de l'espace social]*. Moscow: Institut jeksperimental'noj sociologii Publ.; Saint Petersburg: Aletejja Publ. (In Russian).
- Hall, S. (2000) *Cultural studies: ein politisches Theorieprojekt*. Hamburg: Argument.
- Hoggart, R. (2009) *The Uses of Literacy: Aspects of Working-Class Life*. London, Penguin Modern Classics.
- Kurennoj, V.A. (2012) 'Cultural Studies: Research and Political Program', *Logos*, (1), Pp. 14-79. (In Russian).

Milbank, J. (1990) 'Policing the Sublime: A Critique of the Sociology of Religion', in *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. Oxford; Cambridge: Blackwell pp. 101-144, (Russ.ed.: (2013) 'Nadzor za vozvyshennym: kritika sociologii religii', *State, religion and church in Russia and worldwide*, 31(3), pp. 210-284.).

Du Gay, P. et al. (1997) *Doing cultural studies: the story of the Sony walkman*. London: Sage.

Patterson, O. (2014) 'Making Sense of Culture', *Annual Review of Sociology*, 40(1), pp. 1–30. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071913-043123>

Polyakov, L. V. (2013) 'Sociologija i kul'tura: porjadok slov [Sociology and culture: word order]', *Teleskop: journal of sociological and marketing research*, (4), P. 46-48. (In Russian).

Williams, R. (1961) *The Long Revolution*. New York: Columbia University Press. <https://doi.org/10.7312/will93760>

Sahlins, M. D. (2002) *Waiting for Foucault, still*. Chicago: Prickly Paradigm Press.

Steinmetz, G. (2009) 'The Imperial Entanglements of Sociology in the United States, Britain, and France Since the Nineteenth Century', *Ab Imperio*, 2009(4), pp. 23–79. <https://doi.org/10.1353/imp.2009.0079>

Thompson E. P. (1963) *The Making of the English Working Class*. London: Victor Gollancz.

Информация об авторе

Николай Александрович Щипков — магистр культурологии, ст. преподаватель Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 21 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Nicolay A. Shchipkov — MA in Cultural Studies, Senior lecturer at the Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, 21, Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.